

**Э.Л. Дубман, В.Н.Мышкин,
В.И.Матвеев, В.В.Соловьевы**

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ХОЗЯЙСТВЕННОГО
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СТЕПНЫХ ПАСТБИЩ САМАРСКОГО
ЗАВОЛЖЬЯ СКОТОВОДЧЕСКИМИ ПЛЕМЕНАМИ
в VI-I вв. до н.э.**

(опыт реконструкции по данным письменных источников о хозяйстве кочевников XIII-XIV вв. и XVI-первой половины XVIII в.)

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ,
проект № 02 – 01 – 00264а*

Самарское Заволжье в пределах Поволжья является наиболее северной окраиной ареала кочевых племен савроматского и раннесарматского времени. Первые находки, связанные с историей этого населения, были сделаны в XIX - начале XX в. (Смирнов, Петренко, 1963, с.14; Мошкова, 1963, с.16; Хазанов, 1971, табл. I, 7). Немногочисленные археологические данные о культуре скотоводов середины - второй пол. I тыс. до н.э. были получены в результате раскопок, осуществлявшихся на территории современной Самарской области в 1920-50-е гг. (Гольмстен, 1925; Алихова, 1955, с.91-99). Они позволили предположить, что степи Самарского Заволжья входили в территорию распространения савроматской и раннесарматской культур (Смирнов, Петренко, 1963, с.14; Мошкова, 1963, с.7, рис.1). Савроматские и раннесарматские погребения, исследованные в могильниках у с. Андреевка, Неприк, Утевка, подтвердили правильность этого предположения. Во второй пол. 70- первой пол. 90-х годов XX в. на территории Самарского Заволжья при исследовании различных могильников были открыты 27 савроматских и раннесарматских погребений. Кроме того, почти в 30 пунктах были найдены отдельные вещи кочевников I тыс. до н.э. В большинстве случаев исследованные погребальные памятники представляли собой отдельные курганы в составе могильников более ранних эпох, либо единичные погребения, впущенные в насыпи предшествующего времени (Скарбовенко, 1976, с.174–178, Мышкин, Скарбовенко, 1996; Мышкин, Скарбовенко, 2000, с.17-20, 26-28).

В конце 1990-х гг. погребальные комплексы савроматского и раннесарматского времени исследовались в могильниках Калиновский, Новоберезовский, Березки I и Журавлиха I (Сташенков, 1999, с.26-27, рис.1; Мышкин, Скарбовенко, 2000, с.19, 26; Кузнецов, Мышкин, в печати). Наибольший интерес представляют итоги работ на последних двух памятниках. В результате раскопок одного, не самого большого

кургана могильника Журавлиха I были открыты 14 раннесарматских могил, в которых были погребены представители единого скотоводческого коллектива, состоявшего, вероятно, из родственников. Судя по особенностям обряда, захоронения совершались на протяжении сравнительно небольшого временного отрезка, но не единовременно (Кузнецov П.Ф., Мышкин В.Н., в печати). В 1996-97 гг. в низовьях р. Самары на территории Волжского района В.А. Скарбовенко исследовала 4 кургана могильника Березки I. Они были сооружены кочевниками в V в. до н.э. Возвведение специфических надмогильных сооружений из сырцового кирпича, последующее их сожжение требовало затрат большого количества труда и, судя по наблюдениям автора раскопок, являлось частью сложного, растянутого во времени ритуала. На территории этого же памятника остался неисследованным еще один подобный курган (Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., Хохлов А.А., 2000, с.71-75).

Характеризуя местоположение памятников савроматского и раннесарматского времени (рис.1), следует отметить, что они сосредоточены на юге и юго-востоке Самарской области. Более половины известных комплексов концентрируются в бассейне р. Самары. Остальные открыты в долинах р. Волга, Большой Иргиз, Чагра и на водоразделах Чагры и Чапаевки, Самары и Большого Кинеля. Самые северные пункты, где были сделаны случайные находки и открыто одно раннесарматское погребение, расположены в бассейне р. Сок. Севернее р. Сок савроматские и раннесарматские памятники пока не зафиксированы. На правом берегу Волги открыто только одно савроматское погребение и случайно найдены несколько мечей этого времени. Современные представления о географии савроматских и раннесарматских памятников основываются, прежде всего, на результатах работ новостроек экспедиций, а не целенаправленных исследований курганов этого времени. Поэтому территориальное распределение известных погребальных комплексов имеет в некоторой степени случайный характер. Тем не менее, они достаточно четко очерчивают ту территорию, которую кочевники занимали в Самарском Заволжье на протяжении VI – I вв. до н.э. Со второй половины VI в. до н.э. скотоводческие группы населения освоили степи к югу от рек Самара и Большой Кинель, которые являлись, скорее всего, северной границей районов их расселения. Какой характер носило проникновение культуры кочевых племен далее на север и на правобережье Волги, а этот факт отмечен случайными находками и отдельными погребениями, покажут дальнейшие исследования.

Долгое время не удавалось выявить могильники со значительным числом погребений VI - I вв. до н.э., свидетельствующих о стабильном и долговременном пребывании кочевников на какой-либо определенной территории Самарского Заволжья. Исследование могильников Жу-

равлиха I и Березки I позволяет поставить вопрос о постоянном заселении низовий р. Самары в савроматское время, а верховий р. Большой Иргиз - в раннесарматское. В связи с этим неизбежно возникает вопрос о характере хозяйственного использования степей Самарского Заволжья кочевниками в середине - второй пол. I тыс. до н.э. Прежде всего необходимо определить сезон, в течение которого средневолжские степи могли использоваться кочевниками в качестве пастбищ. Географическое положение рассматриваемого района на северной окраине заволжских степей указывает на то, что здесь должны были находиться летние пастбища. Однако в пользу этого предположения должны быть приведены какие-то аргументы. Предполагается также выяснить, хотя бы предположительно, было ли степное Самарское Заволжье территорией, на которой располагались регулярно использовавшиеся пастбища, включенные в единую систему хозяйственных угодий кочевников, или этот район посещался ими лишь эпизодически. Окончательно ответить на этот вопрос можно только после масштабных раскопок степных курганов, предварительно - после анализа других источников. Еще одной задачей данного исследования является реконструкция некоторых возможных направлений и конечных пунктов сезонных перекочевок скотоводческих групп за пределы Самарского Заволжья.

Необходимо отметить, что степень изученности системы сезонных миграций ранних кочевников на всей территории междуречья Волги и Урала недостаточна. По мнению исследователей, для савроматского времени были характерны маршруты сезонных перекочевок, имевших, в основном, меридиональное направление, что было обусловлено направлением течения рек Волга и Урала. В раннесарматский период маршруты перекочевок могли усложниться, приобретая меридионально-широтный характер (Мошкова, 1989, с. 204; Железчиков, 1994, с.6). Б.Ф. Железчиков полагал, что кочевники волго-уральского междуречья перемещались с юго-запада, от берегов Еруслана, Иргиза, Камыш-Самарских озер, на северо-восток, в пойму р. Самары (Железчиков, 1994, с.6). Выполненные работы по определению времени совершения нескольких раннесарматских захоронений на территории Эльтонской равнины и в долине Волги (Демкин, 1997, с.180) еще не могут дать полной картины территориального распределения захоронений, совершенных в различное время года.

Отсутствие письменных источников и малочисленность данных археологических исследований, которые позволили бы реконструировать систему сезонных передвижений кочевых племен междуречья Волги и Урала в I тыс. до н.э., заставляет обратиться к свидетельствам письменных источников о кочевании скотоводческого населения этого региона в средние века и более позднее время. Многие исследователи констати-

рут близость или тождество социально-экономической структуры древних и средневековых кочевников (Хазанов А.М., 1975, с.267). Сформулировано положение, согласно которому одинаковое или сходное экологическое окружение приводит к выработке однотипных форм кочевого хозяйства. К выводам о сходстве направлений перекочевок или даже путей сезонных миграций пришел А.М.Хазанов при сравнительном анализе кочевого хозяйства сарматов и калмыков. Этого же мнения придерживается В.Н.Ягодин в отношении маршрутов перекочевок сарматов и казахов, живших на Устюрте, а Х.Юсупов - при изучении территории Западного Туркменистана (Таиров, 1993, с.15). Появились работы, в которых исторические и этнографические данные используются для предположительного определения путей сезонных перекочевок ранних номадов урало-казахстанских степей и полупустынь, места их летних и зимних пастбищ (Таиров, 1993).

В исторических источниках содержится весьма ограниченное количество сведений о системе перекочевок заволжского степного населения в средние века и новое время.

Определенная информация содержится в записках западноевропейских путешественников, побывавших в Заволжье в XIII в. (Плано Карпини, Рубрук), а также в сообщениях некоторых восточных историков периода распада Золотой Орды (Шериф-ад-дин Йезди).

Представляется также необходимым использование материалов, свидетельствующих о перекочевках ногаев - основных хозяев волго-уральского междуречья с момента распада Золотой Орды до начала XVII в. История ногаев и сменивших их калмыков хорошо изучена. Весьма значительный круг литературы достойно венчает вышедшее недавно фундаментальное исследование В.В. Трапавлова, в котором всесторонне исследована история Ногайской Орды (Трапавлов, 2001). Но многое еще неясно в системе кочевания, в распределении кочевий между отдельными ордами, в том, насколько интенсивно происходил переход огромных стад скота от крайних территорий зимних пастбищ на юге к пределам северных границ летовий; в том, какое количество людей могла прокормить степь и соответственно, какова была численность этих сообществ. Эти и многие другие вопросы весьма далеки от разрешения по целому ряду причин. Одна из важнейших состоит в отсутствии или чрезвычайно малом количестве источников. В настоящей работе используются новые сведения, полученные при изучении документов пол. XVI - начала XVIII вв. На их основе предложена реконструкция отдельных моментов развития северных летних кочевий степняков на территории в основном Самарского Заволжья во второй пол. XVI - начале XVIII вв., то есть в период с вхождения Среднего и

Нижнего Поволжья, а также Приуралья в состав России до начала массовой земледельческой колонизации земель к северу от р. Самары.

Для решения поставленных задач необходимо, прежде всего, рассмотреть некоторые ландшафтно-климатические характеристики степных районов Самарского Заволжья.

В пределах Самарского Заволжья степным называют ту его часть, что находится южнее реки Самары. В долине реки Большой Иргиз Степное Заволжье постепенно переходит в Саратовское Заволжье. К юго-востоку, где Каменный Сырт и Средний Сырт сливаются с Обшим Сыртом, начинаются Оренбургские и Казахстанские степи. По своим ландшафтным характеристикам Степное Заволжье ближе к ним. Ландшафты Степного Заволжья - южные лесостепи, внешне сходные со степями, и степи (Салимов, 1994, с. 121).

Эта территория входит в провинцию Низменного Заволжья, которая тянется меридионально вдоль левого берега Волги. В пределах провинции выделяют три или четыре района, отличающихся друг от друга определенным своеобразием. Чагринский низменно-равнинный район с придолинными лесами байрачного типа (Физико-географическое районирование Среднего Поволжья, 1964, с. 176) является районом террасовых равнин долины Волги. Террасы характеризуются плоским рельефом, равнина левого коренного берега имеет волнисто-увалистую поверхность, довольно густо расчлененную долинно-балочной сетью (Физико-географическое районирование СССР, 1968, с. 101). Иргизский низменно-равнинный степной район южного типа находится на юго-востоке Самарской области на восточной окраине Сыртовой равнины в бассейне верхнего течения Большого Иргиза. Вдоль восточной границы района проходит гряда Синего Сырта, на юге находится Перелюбский Сырт. От них отходят несколько отрогов, которые образуют водоразделы притоков Б. Иргиза - главной реки района. Справа в нее течет Карабык, слева Б. Глушица, Гусиха, Журавлиха, Тепловка. Реки питаются родниками со склонов Общего Сырта. Летом большинство рек пересыхает (Физико-географическое районирование ..., 1964, с. 182).

Следует также отметить Самаро-Кинельский возвышенно - равнинный район с развитием придолинных лесов. Район расположен в междуречье рек Самары и Большого Кинеля. Его территория пересечена левыми притоками Б. Кинеля (Малый Кинель с притоками Толтай, Кутулук и др.), текущими в основном с востока на запад (Физико-географическое районирование..., 1964, с. 171). Это пространство представляет собой открытую степную равнину, лежащую на высоте 75 - 100 м. Северная часть района (междуречье Кутулука и Б. Кинеля) характеризуется большей приподнятостью поверхности. Здесь много широков и абсолютные высоты нередко превышают 250 м. Реки Кутулук,

М. Кинель, Толкай и другие, а также многочисленные овраги и балки сильно расчленяют поверхность и придают ей местами горный вид.

Основные реки Самарского Заволжья - Волга и ее притоки: Самара, Чапаевка, Чагра, Большой Иргиз. Через Самарскую область Волга проносит огромное количество воды, ее сток за год доходит до 244 куб. км. В многоводные годы он увеличивается до 362 куб. км, в маловодные снижается до 137 куб. км. Весной в паводок количество протекающей воды резко увеличивается. Волжская пойма, с ее обширной площадью и своеобразными физико-географическими и климатическими особенностями, выгодно отличается от окружающей местности с точки использования ее территории в хозяйственных целях (Природа Куйбышевской обл., 1951, с. 99). Главным притоком Волги является р. Самара. Ее общая длина 587 км. В пределах Самарской области она составляет 235 км и на всем этом протяжении в Самару впадает 19 притоков. Русло реки извилистое, иногда меняется. В результате остаются многочисленные старицы и протоки. Пойма луговая, местами заболоченная и заросшая кустарником. Ее ширина достигает 6 км, к устью она увеличивается до 9-10 км. Весной пойма почти ежегодно заливалась паводковыми водами, а на нижнем участке, в пределах волжского подпора, - волжским паводком (Природа Куйбышевской обл., 1951, с. 104-105). Реки, протекающие южнее р. Самары, расположены в местности, бедной грунтовыми и поверхностными водами. Эти реки питаются за счет снеговых вод, которые в силу малой проницаемости глинистых почв почти целиком стекают с них в весенний период. В межень реки Сыртового Заволжья или пересыхают, или представляют собой цепочку отдельных плесов и только в многоводные дождливые годы наиболее крупные имеют течение (Природа Куйбышевской обл., 1951, с. 102). Главной рекой в пределах степей Высокого Заволжья является Большой Кинель, приток Самары. Его самые большие притоки - Савруша, Малый Кинель, Большой Толкай, Сарбай. Реки Высокого Заволжья, начинающиеся на сравнительно высоких водоразделах, выходы ключей и родников обеспечивают им круглогодичное питание, и только мелкие обычно высыхают летом (Природа Куйбышевской обл., 1951, с. 101-102).

По ботанико-географическому районированию южная часть Самарской области относится к Заволжско-Казахстанской провинции и представлена настоящими ковыльно-типчаковыми степями, которые являются зональным типом растительности степной зоны. В растительных сообществах настоящих дерновинно-злаковых степей преобладают ксероморфные степные и лугово-степные виды - ковыль Лессинга, ковыль Залесского, ковыль-волосатик или тырса, типчак, овсец пустынный. Сообщества настоящей степи отличаются значительным разнообразием. Плотно-дерновинные злаки составляют основу травос-

той степных сообществ и являются их доминантами. Заметную роль играют шалфейно-ковыльные фитоценозы (Ильина, Устинова, 1990, с.173-192). Наиболее яркий их аспект приходится на первую половину июня, когда цветет большинство степных растений - наголоватка пустынная, остролодочник волосистый, многочисленные астрагалы, гвоздики и многие другие.

В Самарской области эти степи определяли облик пространств на водоразделах рек Самары, Б. Кинеля, Чапаевки, Чагры, Съезжей и др. Безлесная плоская и увалистая равнина, часто пересеченная балками и оврагами, заросшая плотным степным травостоем, представляла в прошлом идеальную базу для развития скотоводства. Плотная дернина трав и степной войлок надежно предохраняли почву и растительный покров от вытаптывания и сбоя. В настоящее время площадь ковыльно-типчаковых степей значительно уменьшилась. Они занимают пологие водоизделяльные склоны, в основном, северных и восточных экспозиций и представлены типчаковыми, реже разнотравно-типчаковыми группировками, отличаются сравнительно бедным видовым составом разнотравья (Ильина, Симонова, 1996, с.68-71).

Опустыненные степи приурочены к покатым и крутым склонам южной экспозиции, преобладают на смытых, солонцеватых и засоленных почвах. Для них характерно пятнистое сложение растительного покрова, т.е. растительные сообщества не развиваются на больших площадях, а представлены отдельными участками, в связи с разной степенью засоленности почв и сменой рельефа. Для таких степей характерна разреженность травостоя, небольшое развитие надземной массы, крупнодерновинные злаки (ковыли) замещаются мелкодерновинным злаком - типчаком. В большом количестве появляются ксерофильные полукустарники - полыни. Весной здесь выражена группа однолетников - эфемеров, а также корневищных и луковичных многолетников - эфемеридов (Матвеев, Ильина, 1988, с.76-77).

Настоящие ковыльно-типчаковые и опустыненные степи довольно близки по своей растительности, разделение их в переходных условиях довольно условно (Сидорук, 1959, с. 39-65). Сейчас они имеют небольшое распространение и характеризуются значительной сбитостью травостоя. В них наряду с многолетней полынью австрийской часто встречаются однолетки - рогач песчаный, мортук пшеничный, спорыш, бурачок пустынный, что снижает кормовые достоинства угодий.

К югу от долин рек Карабык и Большой Иргиз распространены полынно-злаковые степи, напоминающие солончаковые полупустыни с характерной для них солонцово-солончаковой почвой и соответствующей растительностью: типчаком, полынью, конфоросмой, кохией. На засоленных грунтах произрастают типичные голофиты - тамарикс,

франкения, различные виды сведы, мари, а также солянки и солеросы, часто создающие красноватый аспект растительного покрова. В хозяйственном отношении это менее урожайные пастбища с сеном среднего качества, однако, охотно поедаемым домашними животными из-за соленого привкуса травы.

Степные сообщества речных долин сохраняют черты плакорных сообществ. В локальных понижениях и западинах растительный покров имеет лугово-степные черты. К днищам балок приурочены низинные остепненные луга, в основном разнотравно-узколистномятликовые. Остепненные луга имеют сходство с луговыми степями, которые широко распространены в северных районах Самарской области. На юге области они приурочены к речным долинам, с почвами, имеющими достаточное увлажнение за счет грунтовых вод и атмосферных осадков. Растительные сообщества остепненных лугов отличаются обилием разнотравья и бобовых. Здесь цветут, сменяя друг друга, многочисленные виды клевера, чины, шалфея, герань луговая, гвоздики, девясил, лабазник и многие другие виды. Сено с этих участков отличается высоким качеством благодаря обилию бобовых видов растений в травостое.

Участки кустарниковой степи на водоразделах сравнительно редки. Большая их часть расположена по склонам речных долин и балок. Это заросли, образованные караганой кустарниковой, спиреей городчатой или терновником, изредка встречается вишня степная. Такие степи на юге области хорошо сохранились на территории Алексеевского района в "Бирючем овраге" (Матвеев, Саксонов, Устинова, 1994, с.22-24).

В крупных балках кустарниковая растительность нередко соседствует с настоящими каменистыми степями. В местах с выходами каменистых пород и грубоскелетными почвами отмечаются участки каменистых степей, растительность которых отличается разреженным травяным покровом, состоящим из петрофитов - растений скальных обнажений. При выпасе скота растительный покров балочных долин видоизменяется. Между куртинами кустарников развивается богатый в видовом отношении травяной покров. Ковыли сменяются костром безостным, пыреем ползучим, вейником наземным. Перечисленные злаки повышают кормовые достоинства степных фитоценозов. Однако в тех местах, где идет усиленное стравливание и вытаптывание, в травостое резко возрастает обилие полыни австрийской, снижающей кормовые достоинства естественных пастбищных угодий.

В Самарском Заволжье наиболее благоприятными для выпаса скота являлись поймы многоводных рек (Волги, Самары и др.), прилегающие к ним участки степей, а также район в междуречье Самары и Большого Кинеля, где начинался переход от степи к лесостепи. На этих территориях располагались так называемые "элитные" пастбища, так

как “густота травостоя здесь намного выше, чем в южных степях, а речные долины с небольшими долинными лесами являлись прекрасными убежищами для скота от летнего зноя и зимних холодов” (Салимов, 1994, с. 128).

Степь вегетирует долго, с апреля по октябрь. Особые “скелетные” качества степного травостоя позволяют ему даже в отмершем состоянии сохранять все ценные кормовые достоинства. Это позволило бы животным сравнительно легко добывать корм круглый год, если бы на выпас скота не влияли неблагоприятные зимние природно-климатические характеристики Самарского Заволжья.

Значение средних месячных температур воздуха в январе в степях Самарского Заволжья колеблется от $-13,4^{\circ}\text{C}$ до $-14,2^{\circ}\text{C}$ (Физико-географическое районирование ..., 1964, с. 173, 177, 179). Средний из абсолютных минимумов температуры воздуха составляет $-30 - 33^{\circ}\text{C}$ (Физико-географическое районирование СССР, 1968, с. 101). Высота снежного покрова достигает 28-38 см. Зимой ветры обладают большой скоростью (Физико-географическое районирование ..., 1964, с. 173, 177-178). Все эти факторы делают невозможным выпас скота в зимних условиях. Наблюдения за зимними пастбищами Казахстана показали, что высота рыхлого снежного покрова, при котором могут табаневать лошади (взрослые особи), составляет в среднем 40 см, для жеребят эта величина не должна превышать 25 см. Выпас овец становится невозможным при достаточной плотности снега, если его высота достигает 5 см, а начиная с высоты в 30 см - при любой его плотности. Невозможным становится выпас скота при очень низких температурах, а также сильных ветрах (Тайров, 1993, с. 7-9).

Таким образом, значительное количество полноводных рек, которые не пересыхают летом, плодородные, особенно в поймах рек, пастбищные угодья, относительно нежаркое лето делают степи Самарского Заволжья территорией, весьма благоприятной для использования именно в качестве летних пастбищ. Значительная величина снежного покрова, сильные ветры и низкие температуры делают невозможными их использование их зимой из-за угрозы бескорьи и падежа скота.

Естественно, необходимо учитывать то, что ландшафтно-климатические условия жизни древних кочевников и современная природная обстановка в Самарском Заволжье, как и на территории всего Волго-Уралья, различались. Для определения степени этих различий должны быть использованы данные естественных наук, исторические свидетельства и археологические данные. При этом следует обратить внимание на то, что в пределах отдельных природных регионов волго-уральских степей существовала в силу ряда причин различная динамика изменения природной среды (Демкин и др., 2000, с. 14).

В последние годы в Волго-Уралье проводятся палеопочвенные исследования степных памятников раннего железного века - средневековья, результаты которых нашли отражение в печати (См., например: Иванов, 1994; Рыськов, Демкин, 1997; Демкин, Демкина, Борисов, 1998; Демкин, Демкина, 1999; Демкин и др., 1999; Хохлова, Хохлов, Гольева, 1999; Алексеев, Демкин, Алексеева, 2000; Сергацков, Дворниченко, Демкин, 2001). Эти, а также целый ряд других исследований позволяют составить представления о динамике изменения природной среды на территории волго-уральских степей.

Прежде всего, необходимо отметить, что в Восточной Европе за последние 2500 лет не происходило коренных изменений природной среды. Имели место только ее короткопериодные трансформации (Спиридонова, Лаврушин, 1997, с.159).

По мнению В.А.Демкина, природная среда в пустынных степях на протяжении интересующих нас периодов характеризовалась следующими особенностями. С V-IV вв. до н.э. по I-II вв. н.э. существовали аридные условия с некоторым нарастанием засушливости во времени, доминировали пустынно-степные ландшафты, годовая норма атмосферных осадков составляла около 250 мм (Демкин, 1997, с.156). При этом на территории от Урала до Нижнего Дона 2500 - 2000 лет назад сложилась весьма контрастная ландшафтно-климатическая обстановка. Самые неблагоприятные условия были характерны для глубинных районов Заволжья (Демкин, Демкина, Песочина, 2000, с.90). В XI-XIV вв. утвердился климатический оптимум с годовой нормой осадков 300-350 мм и преобладанием сухостепных ландшафтов. В XV-XX вв. происходило усиление аридизации климата с уменьшением количества осадков до современной нормы 250-300 мм/год и вторичным развитием пустынно-степных условий почвобразования (Демкин, 1997, с.156). Таким образом, ландшафтно-климатическая обстановка середины - второй пол. I тыс. до н.э. в междуречье Волги и Урала (за исключением Самарского Заволжья) не являлась для кочевников более благоприятной по сравнению с XIII-XIV и XVI-XVIII веками.

Что касается Самарского Заволжья, то по предварительным данным И.В. Иванова и Т.С.Луковской динамика экологических условий степи и лесостепи этой территории в голоцене отличается от таковой в степях Восточной Европы. Это объясняется, прежде всего, положением степи и лесостепи Самарской области, которые занимают самое северное положение среди таких ландшафтов Восточной Европы (Иванов, Луковская, 2000, с. 61). Поэтому территория Самарского Поволжья в эпоху раннего железа, средневековья, в новое и новейшее время характеризовалась благоприятными условиями увлажнения - нормальными и более влажными. В эпоху позднего средневековья (малый ледниковый пе-

риод) увлажненность за счет уменьшения испарения была наименьшей. Кроме того, для савроматского и раннесарматского времени, а также периода, начиная с XV в., отмечено сходное понижение годовых температур на 1,0-1,5°C. На рубеже эр в почвенном покрове речных долин получили широкое распространение солонцы и засоленные почвы, отсутствовавшие здесь раньше. Таким образом, продуктивность пастбищ в долинах рек изучаемого региона в интервале времени 2-3 тыс. лет назад была более высокой, чем на протяжении двух последних тысячелетий (Иванов, Луковская, 2000, с. 64-65).

Несколько более широкие возможности имеются для сравнения характеристик природной среды Самарского Заволжья во второй пол. XVI - начале XVIII вв. и в настоящее время. Вторую пол. XVI - начало XVIII вв. обычно относят к завершающему этапу так называемого "малого ледникового периода". Этот период в климатическом отношении был гораздо холоднее, неустойчивее, а вегетативный период растений значительно более коротким, чем в настоящее время (Борисенков, Пасецкий, 1988, с. 62). Современные исследования не позволяют сделать сколько-нибудь определенный вывод о значительных изменениях в соотношении леса и степи в рассматриваемом регионе (См., например: Кириков, 1979, 1983; Дулов, 1983; Цветков, 1957). Изучение характера изменения почв в Самарском Заволжье (по материалам левобережья среднего течения р. Сок) с 30-х гг. XVIII в. и до настоящего времени показало, "что в течение последних 350 лет (В.А. Демкин использовал ошибочные данные, согласно которым возраст почвы, погребенной под валом Новой Закамской линии, 350 лет. На самом деле вал насыпался в первой половине 1730-х гг. Следовательно, ее возраст составляет около 270 лет - прим. авторов) каких-либо существенных эволюционных преобразований почв на таксономическом уровне типа (подтипа) не происходило" (Демкин, 1999, с. 123).

В какой-то степени ответить на вопрос о соотношении леса и степи, состоянии природных условий Самарского Заволжья в этот период могут письменные источники. Более-менее систематические описания региона появились только в середине - второй пол. XVIII в. (труды П.И. Рычкова, П.С. Палласа, И.И. Лепехина, Т.Г. Масленицкого, Экономические примечания к Генеральному межеванию и т.д.), когда вся эта территория начала интенсивно осваиваться земледельческим населением. Наиболее ранние - начала XVIII в. - описания "оброчных статей", в первую очередь водных и рыбных ресурсов (РГАДА. Ф. 26), также, в основном, касаются уже освоенных постоянным населением районов Самарского Поволжья. Эти материалы позволяют составить представление только о состоянии речной акватории нижнего течения и устьев Б. Черемшана, Соки, Самары, Б. Иргиза. Согласно данным источникам

Самара, Сок и другие реки во второй половине XVI – начале XVIII вв. были более полноводными и богатыми рыбой, но насколько, сказать трудно (РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 54. Ч. IX). Уникальное описание природных условий Закамья содержат материалы строительства засечных линий – Закамской и Новой Закамской. В документах, посвященных первой из них, в основном приводятся сведения о конструктивных особенностях оборонительных сооружений, городках, численности гарнизонов и т.д. (Перетяткович, 1882). По второй, строительство которой производилось в 1731–36 гг., содержится подробная характеристика местности, почв, отчасти природных условий; составлены подробные карты всего Закамья от Самары до р. Ик с обозначением лесных и степных участков (РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2081, 2279, 2288). Работа с этими и другими материалами показывает, что соотношение степи и леса было примерно таким же, как в настоящее время и изменилось весьма незначительно. При менее жарком климате, влажном лете условия для выпаса скота у кочевников в данном районе были, видимо, более благоприятными, хотя суровые зимы, меньший вегетативный период могли существенно повлиять на количество скота и соответственно населения. Известны упоминания современников – князя А.М. Курбского, английского путешественника А. Дженкинсона о том, что суровые условия второй половины 50-х гг. XVI в. привели к кризису экономической жизни Ногайской Орды и к резкому уменьшению населения (Курбский, 1986, с.290; Середонин, 1885, с.38-39).

По данным археологии местонахождение погребальных памятников савроматского и раннесарматского времени (рис.1), а также золотоордынского периода (Васильева, 2000, с.316-317) в основном совпадает с современными границами степных районов, что подтверждает сопоставимость современных природно-климатических условий Самарского Заволжья с условиями VI – I вв. до н.э. и XII – XIV вв.

Для предположительного определения места летних и зимних пастбищ, протяженности и направления маршрутов перекочевок кочевников Самарского Заволжья в VI – I вв. до н.э. важны сведения, содержащиеся в записках западноевропейских путешественников, побывавших в Заволжье в XIII веке и сообщения восточных историков периода распада Золотой Орды (Шереф-ад-дин Йезди).

Плано Карпини, отправившийся на восток в 1245 г., достаточно лаконично охарактеризовал маршруты перекочевок различных монгольских орд. Он написал: “Ехали же мы через всю страну команов, представляющую собой сплошную равнину и имеющую четыре больших реки: первую – Днепр (Нерег), возле которой со стороны России кочевал Коренца, а с другой стороны по тамошним степям кочевал Мауци, который выше Коренцы; вторую – Дон, у которой кочует некий князь

по имени Картан, женатый на сестре Бату; третью - Волгу, эта река очень велика, у нее переходит с места на место Бату; четвертая называется Яик (Jaes), у нее переходят с места на место два тысячника, один с одной стороны реки, другой с другой стороны. Все они зимою спускаются к морю, а летом по берегу этих самых рек поднимаются на горы" (Плано Карпини, 1997, с. 72).

В этом отрывке содержится немного информации по интересующей нас теме, но она дает представление об амплитуде кочевания монголов в Поволжье и на правобережье Урала. Бату, кочевавший около Волги (отсутствует указание, на каком берегу), зимой находился, очевидно, около Каспийского моря. Летом он вдоль реки поднимался на север. Орда одного из тысячников, имя которого не названо, передвигалась вдоль правого берега Урала и также зимовала около Каспийского моря. Летом, двигаясь на север, обе орды достигали местности, которая могла выглядеть как гористая, либо располагалась возле таковой.

Гильом де Рубрук более точно указывает местонахождение орд Бату и Сартака в зимний период. Он описывает волжскую дельту, которая начинается к северу от г. Астрахани, там, где от Волги отделяется рукав Бузан. Далее вниз по течению р. Бузан присоединяет к себе Ахтубу. Самыми крупными водотоками дельты с запада на восток являются рукава Бахтемир, Старая Волга, Кизань, Болда, Бузан и Кигач (Природа и история Астраханского края. 1996, с. 38). Рубрук пишет: "Затем я пустился в путь к Сараю ровно за две недели до праздника Всех Святых, направляясь прямо на юг и, спускаясь по берегу Этилии, которая там ниже разделяется на три больших рукава; каждый из них почти вдвое больше реки (Нила) у Дамиетты. Кроме того, Этилия образует еще четыре меньших рукава, так что мы переправлялись через эту реку на судах в 7 местах."

Вблизи этих мест пребывает около Рождества Христова Бату с одной стороны реки, а Сартак - с другой и далее не спускаются. Бывает, что река замерзает совершенно, и тогда они переправляются через нее. Здесь имеется огромное изобилие трав, и татары прячутся там между тростников, пока лед не начнет таять" (Рубрук, 1997, с. 180).

Неясным остается северный конечный пункт перекочевок Бату. Рубрук достиг Волги, прибыв в поселок, основанный монголами на правом берегу реки. Жители поселка переправляли через реку послов, которые направлялись к Бату, находившемуся на другом берегу в восточном направлении (Рубрук, 1997, с. 116). Предполагается, что это был город Увек (Примечания, 1997, с. 397; Шилов, 1975, с. 85), расположавшийся у современного Саратова (Егоров, 1985, с. 107). Рубрук появился на берегах Волги, вероятно, в начале августа, так как далее он упоминает о том, что из ставки монгольского хана двое его спутников были воз-

возвращены ко двору Сартаха (Сартака) и прибыли туда в канун 14 августа (Рубрук, 1997, с.118, 397). В это время Бату уже спускался вдоль Волги на юг, и его пришлось догонять на корабле. Вообще же с января до августа сам Бату и все другие поднимались к холодным странам, а в августе начинали возвращаться (Рубрук, 1997, с. 116). Таким образом, если идентифицировать поселок, в котором оказался Рубрук, с Увеком, то можно предположить, что путешественник нагнал ставку Бату где-то южнее Саратова. Учитывая тот факт, что перекочевка происходила очень медленно, - Рубрук шел вместе с ордой пешком, так как ему не дали лошадь, - можно предположить, что северный конечный пункт, которого достигал Бату, находился немного севернее Увека. В.П.Шилов полагал, что это может быть территории в 50-60 км севернее Саратова (Шилов, 1975, с.85). При этом видимо, исследователь учел сообщение Рубрука о том, что Бату летом поднимается выше Увека (Рубрук, 1997, с. 116). Не следует игнорировать еще одно замечание путешественника, написавшего, что от места, где он нагнал Бату до городов Великой Булгарии к северу "считается" пять дней пути (Рубрук, 1997, с. 116). При обращении к данному отрывку возникают два вопроса. Во-первых, какова протяженность одного дня пути? Во-вторых, остается неясным, какие именно города Волжской Болгарии имелись в виду. Возможность ответить на эти вопросы хотя бы предположительно существует. Рубрук, описывая свое путешествие, говорит о том, что за день он и его спутники проезжали расстояние, равное расстоянию от Парижа до Орлеана (Рубрук, 1997, с.121), то есть около 80-100 км. Следует, однако, учесть, что путешествие происходило в степной местности, лишенной для европейца примечательных ориентиров и ощущения могли подвести автора записок. Кроме того, Рубрук был посланником, которого сопровождали и которому меняли лошадей иногда по два или три раза в день. Когда же отсутствовала возможность сменить лошадей, передвижение происходило, как признает Рубрук, медленнее. Поэтому протяженность дневных переходов до болгарских городов вряд ли равнялась 80-100 км. Скорее всего, она соответствовала средней протяженности дневного конного перехода, который составляет около 40 км (Рыбаков, 1979, с.21). Таким образом, общее расстояние от того места, где путешественник нагнал ставку Бату, до болгарских городов составляет около 200 км. Можно предположить, что имелись в виду наиболее южные населенные пункты Волжской Болгарии, которые продолжали существовать в золотоордынский период. Южная окраина Волжской Болгарии находилась на Самарской Луке. Сейчас на этой территории известно 55 памятников болгарской культуры домонгольского периода, в том числе 2 города и 11 городищ (Матвеева, 2000а, с.248). Археологические раскопки показали, что, по крайней мере, одно

из городищ - Междуреченское, расположенное в месте наибольшего сближения рек Волги и Усы, существовало как в домонгольский, так и в золотоордынский периоды (Матвеева, 2000а, с. 258-259; Васильева, 2000, с.303). Кроме того, нельзя исключать, что сохранилась память о Муромском городке - крупнейшем городе на юге Волжской Болгарии, разрушенном в 1236 г. (Матвеева, 2000а, с.249-258), то есть за 17 лет до появления Рубрука на Волге. Если за точку отсчета взять эти наиболее южные болгарские "города" и отмерить от них расстояние равное примерно 200 км, то получается, что Рубрук нагнал Бату где-то около места впадения Большого Иргиза в Волгу. В таком случае северный конечный пункт перекочевок монгольской орды должен был находиться севернее течения Большого Иргиза. Можно предположить, что летние паства орды Бату находились на территории от впадения Б. Иргиза в Волгу и до р. Самары. Если согласиться с тем, что Рубрук догнал Бату в районе низовий Большого Иргиза, то место переправы францисканца следует искать несколько севернее. Необходимо отметить, что переправы через Волгу осуществлялись в наиболее удобных для этого местах, которые в силу своего удобства должны были использоваться на протяжении длительного времени, не только в золотоордынский, но и более поздний периоды. Исторические источники позволяют приблизительно определить местонахождение таких переправ.

В частности, сохранились сведения о переправах через Волгу, связанных с обеспечением жизнедеятельности кочевников Поволжья (Заволжья) в XVI-XVII вв. Роль переправ для ногайского сообщества, разделенного на три части двумя полноводными реками - Волгой и Яиком - трудно переоценить. Особую роль играла, несомненно, Волга, через которую осуществлялись постоянные сношения между крайне западной и центральной частями Орды, поддерживалась связь с союзником - Крымским ханством и стоявшей за ним Турцией. Через Волгу происходило взаимодействие с Российским государством - мирное и военное. Эта река была естественным барьером, который необходимо было постоянно преодолевать и, нередко, поддерживать его "непроницаемость" для сохранения целостности Орды. Разумеется, кочевники всегда могли перейти Волгу зимой по льду в ее низовьях, в районе дельты, где располагались их зимние паства. С весны и до осени, когда все кочевое сообщество уходило на север, когда наблюдалась наибольшая военная, дипломатическая и торговая его активность, необходимо было отыскивать удобные переправы в других местах, гораздо выше по течению. Наиболее отчетливо наличие таких переправ и указание на те места, где они находились, прозвучало в посланиях к Ивану IV нурадина, а затем бия (князя) Большой Ногайской Орды Исмаила. После присоединения территории Казанского ханства Россия

распространяет свою власть на всю акваторию Волги, заканчивая этот процесс покорением Астраханского ханства. Для ногайской знати важнейшим становится вопрос об отношениях с новым мощным соседом. Часть ее во главе с Исмаилом делает выбор в пользу России. К тому же Ногайскую Орду в это время раздирает жесточайший кризис. Смуту в Орде усилил голод, высохшая от жары степь не могла прокормить скот, морозы и метели зимой не позволяли ему добывать корм из-под снега, а стойлового скотоводства ногаи практически не знали. Князь А.М. Курбский писал о сильных морозах и снегопадах этого времени: "Улусы ногайские, прежде многолюдные, богатые, опустели в жестокую зиму 1557 года, скот и люди гибли от несносного холода". Мурзы со своими ордами разбегались от князя во все стороны, и Исмаил, начиная с 1555 г., постоянно просил Москву поставить русские заставы и крепости на волжских «перелазах» для того, чтобы не допустить ухода из Орды мятежных мурз. В переписке 1555-56 и последующих годов в качестве таких перелазов, то вместе, то по отдельности, упоминаются три места на Волге "на Переволоке", "на Иргизе" и "на Самарском устье". Причем в этот период инициатива создания укрепленных пунктов шла именно от Исмаила, от которого во время кризиса, охватившего Ногайскую Орду, недовольные мурзы со своими улусами уходили на правобережье именно в этих пунктах. В посланиях бия звучит и еще один мотив. Крепости и заставы должны были защитить его владения от врагов, переходивших Волгу с "крымской стороны" (Перетяткович, 1877, с. 284-285). В конечном итоге во второй половине 80-х - начале 90-х гг. XVI в. городки-крепости с постоянным гарнизоном были поставлены: в 1586 г. - Самара, в 1590 г. - Царицын и в 1591 г. - Саратов. Но гораздо раньше, сразу же после просьбы Исмаила, в вышеуказанные места стали посыпать отряды стрельцов и детей боярских и устраивать для них на лето временные острожки. Уже в январе 1556 г. Иван IV обещал это сделать (Перетяткович, 1877, с.284-285). Сведения о таких отрядах, о посылке "плавных ратей" по Волге во второй половине 1550-х - первой половине 1580-х гг. хотя и нерегулярно, но встречаются в Разрядных книгах (Разрядная книга 1550-1636 гг., 1975, с. 170-171), у англичанина Дженкинсона, в других источниках (Новосельский, 1948, с.34; Английские путешественники .., 1937, с.265).

Однако эти данные не позволяют с достаточной точностью локализовать пункты, наиболее благоприятные для организации переправ кочевников через Волгу. О Переволоке, например, средневековые источники, как правило, упоминают только как о месте, где удобно было перетаскивать суда из одной реки в другую. Место наибольшего сближения Волги и Дона получило свое название именно вследствие того, что было излюбленным местом у татар, а затем у казаков для перепра-

вы на Дон и наоборот (Дженкинсон А., 1936, с.46). Местонахождение “Самарского устья”, указываемого Исмаилом в качестве одного из мест, где необходимо построить город для предотвращение перехода ногаев на правобережье Волги, трудно определить однозначно. До середины XVII в. река Самара впадала в Волгу двумя рукавами. Главный из них находился примерно 30 км западнее современного русла, бывшего в то время второстепенным. Но в окрестностях этих обоих рукавов переправа через Волту была чрезвычайно неудобна, как вследствие особенностей речной акватории и выхода на берег (особенно у главного рукава), так и потому, что перебравшие через реку кочевники должны были попасть на Самарскую Луку, лесные и горные массивы которой ордам кочевников, уходивших от Исмаила вместе со стадами скота, преодолеть было крайне непросто, если не невозможно. Переправа у “устья Большого Иргиза” также не была четко локализована. Тем более, что впоследствии Саратовскую крепость построили значительно южнее впадения вышеупомянутой реки, то есть далеко от того места, которое указывал бий. “Переволока”, “устье Иргиза” и “Самарское устье” были, прежде всего, важнейшими знаковыми местами для Орды, и не только Орды, но с небольшой коррекцией и российского правительства, на Волге. На Самаре и Большом Иргизе располагались основные летние пастбища кочевников. Эти реки через волоки соединяли речные системы Яика и Волги. В низовьях их, при впадении в Волгу находились обширные юрты и богатые волжские пойменные луга. Значимость Переволоки для волго-донского междуречья также вполне очевидна. Можно сделать вывод, что Исмаил указывал на главные ориентиры, вблизи которых находились броды или наиболее важные летние пастбища для скота и не более того.

Таким образом, указанные в источниках того времени пункты на Волге и реальные броды через нее, расположенные между современными Саратовым и Самарой далеко не всегда совпадают. Найти эти броды позволяет изучение документальных источников того времени, анализ исторических аналогий и природных условий. Создается впечатление, что сравнительно удобных мест для переправы конных отрядов через Волгу на всем ее протяжении от устья до впадения Камы было не так уж и мало. О способах такой переправы неоднократно писали такие путешественники как Иосафат Барбаро (Барбаро, 1996, с.141), Амброджо Контарини (Контарини, 1996, с.258–260), Хуан Персидский (Из рассказов, 1991, с.173) и другие. В “ногайских делах”, документах о сношениях России с Ногайской ордой, относящихся к концу 1550-х гг., имеется ряд свидетельств о конкретных местах таких переправ. Русский посланник в Орде Елизар Мальцев сообщал в 1558 г. о том, что ногаи перевозились “повыше Переволоки на Коскочеве под Стрелчими

горами” и “на усть Услана” (Еруслана?) (Продолжение Древней российской вивлиографии. 1795, Ч. X, с.23). Локализовать эти места довольно сложно. Немногим позднее, в 1559 г. тот же Мальцев сообщал еще о двух перевозах, через которые переходили Волгу целые улусы “у Стокерешки на Змеине Камени” (речь идет, скорее всего, об устье р. Терешки) и “на Талдыке выше Ахматовых гор”. Все это места, располагавшиеся поблизости от позднее построенного Саратова. Наконец, в 1560 г. Урус мурза сообщает Ивану IV об урочище на Волге, которое называлось “Колнечев перевоз”.

Необходимо отметить, что перевоз через Волгу всего улуса был делом многотрудным и длительным: “Тиналей перевезся, три дня деи возился” (Продолжение Древней российской вивлиографии. 1795, Ч. X, с.64, 139). Поэтому, для переправы целых орд со всем скотом и имуществом через такую широкую реку как Волга в ее среднем течении традиционно использовалось всего несколько наиболее удобных для этого мест. Важнейшие из них размещались между городами Самарой и Саратовом, у Сызрани и Хвалынска. Пожалуй, наиболее известный из таких “перелазов”, как его называли в XVII в. “Овечий брод”, располагался неподалеку от “Соснового острова” у “Тихой горы”, рядом с современным городом Хвалынском. По словам секретаря голштинского посольства Адама Олеария, проплывавшего в этих местах в середине 1630-х гг., здесь находилась одна из крупнейших волжских мелей и почти через всю реку можно было перейти или переехать на лошади вброд (Олеарий А., 1870, с. 431-432). О том, что эта переправа была одной из основных во второй пол. XVI в., свидетельствует известное дело об ограблении вольными казаками в августе 1581 г. ногайского посольства и купцов, пришедших “под Сосновый остров на Волгу на перевоз”. В деле об этом ограблении есть несколько интересных моментов. Казаки занимались переправой “по прежнему обычая”, т.е. для них это было обыденным привычным занятием. Любопытно, что позднее они на этой же переправе подстерегли и разгромили крупный ногайский отряд, грабивший “алатырские окраины” (Карпов, 1911, с.853; РГАДА, Ф. 127, Оп. 1, кн. 10, л. 140-142, 147-149, 256-257об., 269-270).

Строительство Самарского городка привело к появлению весьма значительной группы источников, связанных с деятельностью основателя и первого воеводы этого укрепленного пункта князя Г.О. Засекина. В основном они касаются взаимоотношений местной администрации с ногаями и казаками в 1586-87 гг. К началу 1587 г. ногайский бий Урус примирился с появлением крепости. Весной этого года, когда кочевья ногаев приблизились к Самаре, завязались активные отношения между ногайскими мурзами и воеводой. Так, 12 мая Засекин отправлял к Москве два посольства Уруса и его мурзами - “ардобозарцами”

и с табуном лошадей почти в 2000 голов, “а возитца деи ему у Самарского города” (РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1587 г. Д. 1. Л. 13-17). Эти и другие караваны шли через Волгу в широтном направлении к Москве и из Москвы через “мещерские украины” (РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1587 г. Д. 10. 1586 г. Л. 35, 54). Сведения об этом пути, служившем для обмена посольствами, перегонки на продажу в Россию табунов лошадей и скота, следования военных отрядов ногаев, отправлявшихся на русскую службу, постоянно мелькают в “ногайских делах” XVI - начала XVII вв. (РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1587 г. Д. 10. 1586 г. Л. 35, 54). Об этом пути писали и те историки, которые занимались взаимоотношениями России с государствами Средней Азии (Чулошников, 1932, с. 67-68; Фехнер, 1956, с. 39-40; Юлдашев, 1964, с. 63-64). Единственное по настоящему удобное место для таких переправ располагалось у южной оконечности Самарской Луки, там, где на правом берегу сейчас располагается г. Октябрьск. Видимо, об этих местах свидетельствует содержание дела о сражении саратовских стрельцов и детей боярских с ногаями летом 1621 г. Саратовский воевода князь Е.Ф. Мышецкий послал против кочевников отряд, который и настиг противника “в Казачьих горах на перевозе”. Как показало следствие по этому делу, по всей видимости, воевода действовал из корыстных побуждений. Кроме того, места под “Казачьими горами” находились в компетенции самарских воевод, которые и должны были выяснить отношения с ногаями. Характерно, что эти броды так и назывались в то время “нагайские перевозы” (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 38. Оп. 1. Д. 80. Л. 2-3, 12.). Эта переправа неоднократно упоминалась и в более позднее время, в XVIII-XIX вв., до строительства в этих местах железнодорожного моста через Волгу. Например, на карте Сызранского уезда начала XIX в. на правом берегу Волги указаны д. Батрак и ведущая к ней с левобережья большая прогонная дорога Сызрань-Уральск. С ней же смыкался еще один степной путь из Сызрани на Оренбург (РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 5245.). В документах того времени также нередко фигурирует “Батрацкий остров”, который характеризовали как обычное место переправы через Волгу.

Итак, если предположить, что Рубрук догнал Бату где-то вблизи впадения Большого Иргиза в Волгу, то перед этим он мог попасть, по крайней мере, на три из возможных переправ. Наиболее вероятной, если рассматривать полученную в результате расчета расстояния точку встречи с Бату, является переправа “Овечий брод”, которая располагалась рядом с современным городом Хвалынском.

Если предложенная версия является верной, то можно приблизительно воссоздать путь орды Бату во время перекочевок следующим образом. Зимой она располагалась в пределах волжской дельты и (или) рядом с ней. К лету орда Бату достигала территории, располагающейся

на левобережье Волги между реками Большой Иргиз и Самара. В этой связи следует вернуться к упоминанию Плано Карпини о горах, где находились летние пастища орды Бату. Эта фраза может быть интерпретирована как свидетельство того, что орда Бату (либо какая-то ее часть) летом оказывалась в степях Самарского Заволжья напротив Жигулевских гор, либо около Сокольих гор, расположенных на левобережье Волги чуть севернее низовий ее притока - р. Самары. Интересным также представляется сообщение Плано Карпини о монгольском тысячнике, кочевавшем на правобережье Урала и достигавшего летом каких-то гор. Вряд ли во время перекочевок эта орда переправлялась через Урал, а за гористую местность могут быть приняты отроги Общего Сырта, в том числе те, которые определяют рельеф местности в пределах степей Высокого Заволжья в междуречье рек Самары и Б. Кинеля.

Степи в пределах Самарского Заволжья в золотоордынский период не являлись территорией, посещаемой лишь спорадически отдельными группами степняков, о чем свидетельствует описание похода Тимура против Тохтамыша в 1391 г. Первоначально Тохтамыш предполагал встретить своего противника на р. Урал и нанести ему поражение при переводе. Однако Тимур переправился через Урал севернее расположения золотоордынских войск и те, не дождавшись шедших к ним подкреплений, начали отступать. Из описания похода видно, что Тимур со своим войском, преследуя врага, переправился через реки Яик, Сакмару, Самару, Сок и подошел к пределам бывшего Болгарского царства (Сафаргалиев, 1960, с. 153). Сражение между двумя армиями произошло 18 июня 1391 г. на реке Кондурча, на границе степи и лесостепи в пределах территории современного Самарского Заволжья (Сафаргалиев, 1960, с.153, 230; Егоров, 1985, с. 220).

После победоносного сражения Тимур в течение 26 дней приводил в порядок свои войска. В это время отдельные отряды занялись грабежом, возвращаясь в лагерь "с бесчисленной добычей - лошадьми, верблюдами, быками, баранами и множеством рабов - девушек и детей" (Сафаргалиев, 1960, с.156). Шереф-ад-дин Йезди в "Книге побед" по-восточному образно повествует о результатах весьма энергичной грабительской деятельности победоносного войска: "Жилищем степняков в той безграничной пустыне являются шатры "кутарме", которые делают так, что их не разбирают, а ставят и снимают целиком, а во время передвижений и перекочевок едут, ставя их на телеги. Все они были захвачены в полное распоряжение войск, действующих как (немолимая) судьба. Поэтому каждый по желанию сердца держал месяц (то есть, красавицу с лицом как месяц - прим. составителей) с жилищем в объятиях желания. Вследствие этого многочисленность толпы в высочайшей орде дошла до такой степени, что если кто-нибудь потерял

бы свой шатер, то не нашел бы и через месяц и два". В лагере оказалось столько девушек и отроков, что только тех, кого отобрали для Тимура, было более 5000 человек (Тизенгаузен, 1941, с. 172-173).

Скорее всего, грабительские набеги совершались на территории, расположавшиеся недалеко от местонахождения основных сил Тамерлана. В число таких районов могли входить левобережье Волги напротив Самарской Луки, бассейны рек Кондурча, Сок, Большой и Малый Кинель, Самара. Результаты археологических исследований свидетельствуют, что в золотоордынское время эти районы были заселены не только кочевниками. Здесь проживали также разноэтничные группы оседлого населения: русские, мордва, болгары. Некоторые из них попали в Самарское Заволжье в результате насильственного расселения покоренных народов, проводившегося монгольскими правителями (Васильева, 2000, с. 300-321). Представители оседлого населения могли стать добычей воинов Тимура. Однако Шериф-ад-дин Йезди пишет о большом количестве именно кочевников, прежде всего, женщин и детей, попавших в плен, и о захваченном у них имуществе - шатрах "кутарме". Приведенное выше сообщение можно рассматривать как свидетельство того, что во второй пол. июня - первой пол. июля в степных и лесостепных районах Самарского Заволжья находились значительные группы кочевников вместе со своими жилищами и скотом. В состав этих групп входили женщины и дети. Вряд ли такая ситуация являлась случайной и характерной только для 1391 г. Поэтому лесостепи и степи Самарского Заволжья можно достаточно уверенно включать в число территорий, где в период распада Золотой Орды располагались летние пастбища достаточно больших групп кочевого населения.

Обратимся к более позднему периоду истории заволжского кочевого населения. Следует отметить то, что область кочевий и территория становления и развития государственности у ногаев и калмыков была значительно большей в широтном направлении, чем волжско-яицкое междуречье. Однако она неоднократно менялась, и именно вышеуказанный район являлся, пожалуй, важнейшим для ногаев во второй пол. XVI - начале XVII вв. и калмыков в XVII в. Нас же интересуют, прежде всего, особенности хозяйственного использования кочевниками территории южной лесостепи в Волго-Яицком междуречье. Пастбища в бассейнах рек Самары и Большого Кинеля до середины 1730-х гг. являлись основным районом летних кочевий степняков - ногаев, а затем после их вытеснения - калмыков. Строительство укрепленных пунктов Самарской (Оренбургской) линии, быстрый рост поселений земледельческого населения практически отнял у кочевников наиболее благоприятный для скотоводства ареал. Собственно говоря, к этому времени основные обитатели волжско-яицких степей - калмыки были поставлены под

полный контроль местной российской администрации и вынуждены были перестраивать традиционный тип хозяйствования.

Существует значительный разброс мнений о северных границах ногайских кочевий. Итоги этой дискуссии подвел В.В. Трепавлов. Первоначально границы летовий (летовиц) ногаев располагались вплоть до устья Камы. Причем сведения о том, что улусы кочевников размещались на левобережье Камы, как правило, встречаются только до 1580-х гг., а в более поздний период таковой границей обычно называют реки Самару и Большой Кинель. Достаточно вспомнить “Книгу Большому Чертежу” и ряд других источников этого времени. К этому времени ногаи были вынуждены покинуть и так называемую Ногайскую Башкирию (Трепавлов, 2001, с. 468-470). На наш взгляд, уход из Закамья в бассейн Самары и Большого Кинеля произошел несколько раньше, вскоре после покорения Казанского ханства. К тому же необходимо отметить, что в междуречье Волги и Яика кочевья разных мурз с их ордами занимали более значительное пространство, чем бассейн одного даже весьма протяженного волжского притока. Об этом, например, свидетельствует роспись ногайских летних пастбищ 1552 г., где указаны и Самара с Большим Кинелем, и Большой Иргиз, и другие реки (Продолжение Древней российской вивлиографии, 1793, Ч. IX, с.29).

Из всех этих левобережных притоков именно Самара упоминается чаще других. В 1554 г. Исмаил указывает на “Самарское устье”, как на наиболее удобное место своей встречи с российскими послами (Продолжение Древней российской вивлиографии, 1793, Ч. IX, с. 154). В 1555 г. он же перед уходом осенью на юг отпускает с Самары служилых татар к Москве (Продолжение Древней российской вивлиографии, 1793, Ч. IX, с.163). Да и в “эпоху” своей переписки с Иваном IV по поводу строительства на Волге городов, Исмаил в качестве наиболее северного места называет именно устье р. Самары, выше которого, видимо, он поднимался крайне редко (Продолжение Древней российской вивлиографии, 1793, Ч. IX, с. 190). Но нужно отметить, что и в эти годы, и позднее, в “ногайских делах” встречаются сведения о том, что летние кочевья продвигались и севернее, вплоть до Камы (Продолжение Древней российской вивлиографии, 1793, Ч. VIII, с. 277; 1801, Ч. XI, с. 260).

Можно сделать вывод, что в 1580-е гг. и до начала XVII вв., т.е. в период от строительства первых городков на Средней и Нижней Волге до исхода ногаев из волжско-яицких степей, основной район их северных кочевий располагался именно в междуречье Самары и Б. Кинеля. Тенденция постепенного “сползания” места летовиц кочевых народов на юг уже в менее благоприятные районы прослеживается и позднее - в конце XVII - первой трети XVIII вв. Например, И.К. Кирилов в 1720-е г. писал, что калмыки “Кочевые имеют, переходя с места на место, где

пока корм скоту их есть. От Астрахани вверх по Волге луговою стороною до Саратова" (Кирилов, 1977, с.235). Таковыми северные пастбища были до начала 1770-х гг., а затем еще далее отступили к югу (Булатов, 2000, с.132.). Действительно, в документах первой трети XVIII в. обычно говорится об эпизодических набегах кочевников, переходивших р. Самару, но не об их кочевьях по Самаре, Большому Кинелю или Соку. Многочисленные "ландкарты" составлявшиеся геодезистами Закамской экспедиции в 1731-36 гг. пространство между реками Самарой и Соком обычно обозначали как "пустое", а за рекой Соком как "башкирские вотчины" (РГАДА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2084 и др.; РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Д.48). Если на западе зону кочевий ограничивала Волга, то на востоке граница была более зыбкой и зависела от характера взаимоотношений между башкирами и их южными и юго-восточными соседями. Она могла проходить и по р. Белой и по Ику.

И все же, именно река Самара с ее притоками называлась "ногайской", так как, по всей видимости, являлась базовой для ногайских летовищ (Середонин, 1885, с.38-39; Книга Большому Чертежу, 1950, с.140, 143). В 1570 г. ногайские мурзы в своих жалобах на казаков, говорили русским послам: "только государь велит де казакам у нас Волгу и Самару и Яик отнять и нам де на сем от казаков пропасти: улусы наши и жон и детей поемлют" (Цит. по: Скрынников, 1986, с.138). Характерно, что и в переговорах между ногаями и русскими летом - осенью 1586 г. о судьбе Самарской крепости (а также Уфимской крепости и Кош-Яицкого казачьего городка) речь шла в основном о том, что была отнята у кочевников именно река Самара, а не, например, Сок, Кондурча или Белая. Да и позднее, когда в 1589 и 1590 гг. были основаны Царицын и Саратов, кочевники восприняли появление этих крепостей без особых эмоций. Не будем приводить здесь другие данные в пользу этого мнения, их достаточно много, но то, что река Самара (и окружающая ее местность) воспринималась ногайской знатью, как важнейшая, базовая для их кочевий, не подлежит сомнению (Перетяткович, 1877, с.283). Думается, что так было и до 1580-х гг. Отрывочные данные о кочевьях ногаев, относящиеся к середине XVI в., также свидетельствуют об этом. Например, в 1555 г. кочевья Белик-Булата Мурзы находилось по рекам Самаре, Большому и Малому Кинелям (Продолжение Древней российской вивлиографии, 1793, Ч.IX, с.29). Характерно также, что сооружение, допустим, Тетюш или Лашева на Волге и Каме также не вызвало такого взрыва эмоций у кочевников как строительство Самарской крепости.

Некоторые документы содержат сведения о времени появления весной ногаев на р. Самаре и том районе, откуда они приходили. Важное свидетельство содержится в обмене посланиями между астраханскими

властями, воеводами князем Ф. Лобановым-Ростовским, Р.Пивовым и М.Бурзовым и самарским воеводой Г.О.Засекиным, где говорится о том, что именно власти Астрахани ранее 4 мая (времени отправления послания в Самару) “велели Урусову сыну княжему Янарслан мурзе по Волге вверх к Сомаре кочевати за то, что де Янарслан мурза Урусов сын к тебе ко государю правду свою и службу показал великую и шертовал” (РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1587 г. Д. 1. Л. 13-17; Самарское Поволжье ... Сборник документов и материалов. Самара, 2000. С. 60-61).

В документах начала XVII в. имеется любопытное сообщение о времени, предшествующем выходу степняков со своих зимних пастьбищ к “летовьям”. Самарский воевода Д.П. Пожарский в конце зимы 1614 г. так пишет о возможном безопасном пути в Среднюю Азию: “а как снеги большие поубудут и лед на реках не прошел и покаместа коньский корм под копытом не будет, и то государь, время твоему, государеву послу и шахову послу хорошо будет идти. А как только на реках лед вскроетца и снеги последние сойдут и конский корм будет, тогда колмыки и ногаи лошиди откормят и без людей в степи не будет [и] дорогою будет не проехать (Цит. по: Бушуев П.П., 1987, с.22). Это время “последних снегов” и “конского корма под копытом”, разумеется, каждый год зависело от погодных условий, от того, какой была весна - теплой или поздней, холодной. Из переписки властей Астрахани и Самары явствует, что, по всей вероятности, ногаи в начале апреля 1587 г. еще оставались на своих зимних пастьбищах. 1 апреля Засекин посыпал к “мурзам в улусы от послов татар трех человек апреля в 1 день”. Эти гонцы застали ногаев в их “улусах”, видимо, где-то около Астрахани. О времени появления весной ногаев на р. Самаре можно судить по переписке администрации новопостроенного Самарского города с бием Урусом и его мурзами в том же 1587 г. Получившие разрешение кочевать по Волге и Самаре, “Кучук мурза” и его сын “Сами мурза”, сын Уруса “Янарслан мурза” со своими ордами появились в окрестностях крепости во второй декаде мая (РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1587 г. Д.1. Л. 13-17; Самарское Поволжье с древности до конца XIX в., 2000, с.60-61). Видимо, с приходом ногаев на летние пастьбища к р.Самаре связана и отправка 12 мая местным воеводой Засекиным ногайского посольства с купцами и табуном лошадей почти в 2000 голов к Москве (РГАДА. Ф.127. Оп.1. 1587 г. Д.1. Л. 13-17). Разумеется, эти материалы дают информацию только по одному году и для создания более очевидной картины необходимо выявить подобную тенденцию за ряд лет.

Для кочевых орд, приходивших с юга и юго-востока, Самара виделась рекой, в сравнении с маловодными, пересыхающими к концу лета левобережными притоками Волги - Ерусланом, Большим и Малым Иргизами и др., идеально подходящей для летних кочевий. Из

всех восточных притоков Волги вплоть до Камы, Самара с Большим Кинелем обладали самой большой поймой, давали максимум водных ресурсов. Обилие воды, пойменные пастища, сохранявшие корм для скота на протяжении всего лета, сама местность без резких возвышений, почти безлесная, переходящая в привычную степь (Природа ..., 1990, с.102-108) способствовали тому, что для кочевников эти места были родными. Разумеется, ногаи, а затем и калмыки вряд ли ограничивались пастищами на берегах Самары и Большого Кинеля. Пойменные луга левобережья Волги между современными Саратовом и Самарой, несомненно, были заняты многочисленными кочевьями. Видимо, богатые пастища, возникавшие в местах впадения крупных рек левобережья - Большого Иргиза, Самары, Соки и других, считались наиболее привлекательными для выпаса скота. По словам того же Исмаила, он в течение года девять месяцев "жил" на Волге и только три на Яике (Перетяткович, 1877, с.282). Волга, Яик и Самара (а не Кама или какая-нибудь другая река, прорезающая летние кочевья ногаев в широтном направлении) были знаковыми для этого народа, что отчетливо фиксируется в сентенции ногайской верхушки, прозвучавшей на рубеже 1570-80-х гг. о том, что русский царь приказал казакам отнять у кочевников именно эти три реки (Перетяткович, 1877, с.305).

Характерно, что калмыки, сменившие ногаев, также первоначально избрали для своих кочевых пастища по р. Самаре и близлежащим рекам (Моче) (РГАДА. Ф.119. Оп.1. Д.1643. Д.1. Л.488) и добивались подтверждения этих прав у представителей русской администрации (РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1587 г. Д. 1. Л. 505). По мнению исследователей северная граница их кочевий проходила по р. Самаре и Б. Кинелю (Очерки истории Калмыцкой АССР, 1967, с.144).

Ногайские летовища могли располагаться и в долинах Соки, Кондурчи, Большого Черемшана, других рек вплоть до левобережья нижней Камы, но здесь была уже их периферия, занимаемая вследствие избытка скота, критических климатических условий и т.д. Из этого района ногаи могли отступить сравнительно безболезненно для своего хозяйства, но вот уход из междуречья Самары и Большого Кинеля означал крушение всей налаженной системы летних кочевий, значительнейший ущерб для кочевого скотоводства.

Следует отметить, что процесс перехода с зимних пастищ на летние и наоборот не нужно рассматривать как непрерывное и максимально "быстрое" движение с юга на север (и наоборот). При благоприятных климатических условиях, в местах имеющих максимум кормов для скота крупное кочевье могло остаться надолго. Например, англичанин А.Дженкинсон, проплывая по Волге в 1558 г., увидел ниже Переволок (современный Волгоград) на волжских берегах орду Исмаила (Smills),

кочевавшую там с многочисленными стадами в первой половине июля (Дженкинсон А., 1936, с.46).

Результаты анализа письменных источников, содержащих данные о перекочевках скотоводческого населения заволжских степей в золотоордынское время, а также в XVI - начале XVIII вв., позволяют предположительно определить некоторые особенности использования степных пастищ Самарского Заволжья кочевниками савроматского и раннесарматского времени, направление и протяженность их сезонных откочевок из средневолжских степей, расположение зимних пастищ.

Природные условия в савроматское и раннесарматское время не были более благоприятными, чем в золотоордынский период и в XVI-XVIII вв. В степях Волго-Уралья в V в. до н.э. началось ухудшение климата, выражавшееся в нарастающей засушливости и усилении его континентальности с понижением зимних температур. В этот период, особенно в глубинных районах Заволжья происходило уменьшение водных ресурсов, интенсифицировались процессы засоления и солонцеобразования, способствовавшие снижению продуктивности естественной травяной растительности (Демкин и др., 2000, с.90; Демкин, 1997, с.185). В такие периоды активизировались миграционные процессы древнего населения с расширением территории их обитания (Демкин, 1997, с.185). Более засушливый климат, сопровождавшийся ограничением водных и кормовых ресурсов заставлял кочевников савроматского и раннесарматского времени перекочевывать на значительные расстояния, осваивая при этом все благоприятные для выпаса скота районы, в число которых можно включить и Самарское Заволжье. Протяженность таких сезонных передвижений должна быть не меньшей, чем у кочевников второй пол. XVI - начала XVIII вв., и тем более, XIII-XIV вв.

Протяженность перекочевок скотоводческого населения может быть ограничена соседними оседлыми народами. Так, например, строительство различных укрепленных линий, осуществленное Россией в XVIII-XIX вв. в урало-казахстанских степях, отрезало кочевников этого региона от их традиционных летних пастищ (Таиров, 1993, с.15). Такая ситуация не могла сложиться на территории Самарского Заволжья в I тыс. до н.э. Жившие здесь белогорские, а впоследствии городецкие племена, судя по данным археологии, концентрировались на Самарской Луке. На левобережье Волги и в бассейне р.Самары расселялись лишь отдельные и, скорее всего, немногочисленные группы оседлого населения (Матвеева, 2000, с.84, 87). Очевидно, что они не были способны каким-то образом влиять на характер расселения кочевников в этом районе. Более того, одной из наиболее вероятных причин ухода ананьевских племен из Среднего Поволжья являлась опасность набегов со стороны кочевников - савроматов (Матвеева, 2000, с.86).